

торки должны были пройти в непосредственной близости от Горналя на Псле – единственного на сегодня бесспорного племенного центра северян. А.В. Куза по находке подражания саманидскому дирхему в «княжеской» постройке 1 отнёс время его гибели в пожарах к 960–970-м гг.¹⁰⁵, что с учётом «неревской» поправки заметно совпадает с хронологией поздней группы «курских» кладов.

Итак, основной удар, судя по локализации кладов, приняла на себя округа Курска. Далее путь Владимира в Булгарию должен был пролегать по Оке, что, судя по всему, также находит отражение в нумизматических материалах. Клады Поочья с младшими монетами 970-х гг. тезаврированы практически одновременно с финальными «курскими»: Борки, 1946 г. (976), Белоомут (977), Борки, 1951 г. (977).

Подведём итоги. В ЖФ отсутствуют сведения о времени основания Курска, а также о протяжённости предшествующего периода в его существовании. Синтез данных археологии и нумизматики указывает на его возникновение в пределах середины 980-х – середины 990-х гг. Из дошедших до нас летописных известий более всего этому соответствует поход Владимира 985 г. Естественно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что город отстраивается сразу же после военной кампании, однако артефакты указывают либо на малый хронологический разрыв между этими событиями, либо, что вероятнее всего, вообще на его отсутствие. Соответственно, на уровне сегодняшних знаний за условную точку отсчёта возраста города можно принять 985 г. Первое же упоминание древнерусского Курска в письменности, связанное с переездом семьи Феодосия Печерского в этот город, относится к 1030-м гг. Наиболее вероятной датой этого события является 1036 г., когда у киевского князя Ярослава Мудрого возникла потребность в посылке своих людей на земли вновь присоединённого Левобережья.

---

¹⁰⁵ Куза А.В. Большое городище у д. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 29.

Национальные движения в России в конце XIX в.

Владислав Гросул

National movements in Russia in the late nineteenth century

Vladislav Grosul (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)

В конце мая 1900 г., будучи в салоне небезызвестной А.В. Богданович, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомский сказал: «Россия расшивается по всем швам... нет у нас на окраинах единства политики»¹. Если бы эти слова произнёс какой-нибудь малоизвестный общественный деятель, то на них можно было бы не обратить особого внимания. Но эта примечательная

© 2015 г. В.Я. Гросул

¹ Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 253.

фраза принадлежала человеку, весьма близкому к императору Николаю II, и она не была брошена вскользь, без знания тогдашних российских реалий. Ухтомский, конечно, имел в виду национальные движения конца XIX столетия, которые, как ни странно, не нашли комплексного отражения в исторической литературе.

Действительно, в последнее время в историографии заметно усиление интереса к истории национальных движений в России². Но движения конца XIX в. специально не исследовались, а главное, не привлекался значительный материал, сохранившийся в отечественных архивах. В основу настоящей статьи положены первичные архивные источники, прежде всего, многотомное архивное дело из Особого отдела Департамента полиции под названием «Национальные движения, имеющие характер политический». Это дело давно известно, но обычно оно используется отдельными частями, имеющими отношение к той или иной российской окраине, и давно требует целостного изучения. Особый отдел являлся ключевой структурой Департамента полиции, его «мозгом» и «сердцем»³. Кроме того, привлечён ряд других архивных дел из того же фонда.

На протяжении всего XIX столетия в России было одно мощное национальное движение – польское, довольно неплохо изученное⁴. В данной статье я им специально не занимаюсь, поскольку это всё-таки особый вопрос. Точно так же не обращаюсь и к финскому национально-освободительному движению, также обладавшему своей спецификой. Хотя и о польском, и о финском движениях приходится постоянно помнить, поскольку они оказывали воздействие на другие общественные движения, многие из которых в той или иной степени были связаны между собой.

Кстати, и польское, и финские национальные движения на протяжении десятилетий сохраняли свои основные черты, меняли формы. Поляки, например, отказались от организации общепольских восстаний и перешли к формированию новых кружков и даже партий. Они всячески старались укреплять связь всех частей Польши, поделённых между тремя империями. С этой целью, например, деятели польского общественного движения в конце XIX в. организовали специальные курорты в Закопане и Шавнице, куда ежегодно стали устремляться тысячи поляков из всех трёх частей Польши, там шли их сближение и выработка идей и конкретных путей восстановления польской государственности⁵. Что касается непосредственно России, то в районах, где имелось польское население, постоянно шла работа пропагандистского характера.

---

² Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997; *Кателер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997; Россия в XX в. Проблемы национальных отношений. М., 1999; *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX – начала XX в. (К постановке проблемы) // *Дякин В.С.* Был ли шанс у Столыпина? Сборник статей. СПб., 2002. С. 53–94; Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 104–151; *Кудряшнёв В.Н.* Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013.

³ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 60.

⁴ *Горизонтов Л.Е.* Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 г. – начала XX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; *он же.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – нач. XX в.). М., 1999; *Малютин Г.А.* Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг. М.; СПб., 2013.

⁵ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, л. 15, 18–19 об.

Например, в очередном жандармском обзоре Подольской губернии за 1890 г. подчёркивалось, что «католическая пропаганда ксёндзов не встречает почти никакого противовеса в действиях православного духовенства»⁶. Активную деятельность вели даже польские выходцы, обосновавшиеся в США, где была создана «Лига старых поляков», а также действовали другие польские кружки⁷. Как обычно, они были весьма активны в Галиции⁸. Но в самой России они всё-таки пошли на открытие памятника А. Мицкевичу в Варшаве, хотя приняли серьёзные меры предосторожности⁹.

Заметные изменения на протяжении второй половины XIX в. происходили в Финляндии. Ещё в 1884 г. местный жандармский генерал писал «о глубокой преданности народонаселения к особе государя императора, о несуществовании в стране каких-либо тайных политических обществ и пропаганд; о спокойствии в крае, порядке по всем отраслям управления и дружелюбном вообще отношении финляндцев к находящимся в крае русским поселенцам и войску»¹⁰. А уже в январе 1893 г. помощник начальника Финляндского губернского жандармского управления в Выборге доносил своему начальству: «Негласным путём дознано, что во всех сословиях, в особенности между чиновниками, пасторами, помещиками и капиталистами (купцами) вкоренилась затаённая ненависть к верховной власти и Русскому правительству»¹¹. В конце века отношения между Финляндией и центральным правительством несколько обострились. Финны усмотрели покушение на свои права и заручились поддержкой европейского общественного мнения. Как отмечается в материалах Департамента полиции за март 1900 г., «финляндская агитация, подобно всей другой агитации, направленной против России, встретила особое сочувствие в Англии, где под влиянием росказней приезжих патриотов тотчас же образовался “Комитет о Финляндии”, который усердно принялся путём митингов и газетных статей распространять ложные сведения о “варварском образе действий русского правительства”». Подобные же комитеты были образованы во Франции и Швейцарии¹². В самой Финляндии из Финской партии, возникшей ещё в конце 1850-х – начале 1860-х гг., в 1894 г. выделилась Младофинская партия, отличавшаяся радикализмом¹³. В 1880-х гг. К.Ф. Ордин опубликовал книги «Конституция Финляндии» и «Покорение Финляндии», которые были расценены как поход против «сепаратизма» финляндцев¹⁴ и вызвали противодействие финской печати¹⁵.

Финляндия стала лишь одной из российских окраин, где в начале 1890-х гг. отмечалось общественное оживление. В 1899 г. в еженедельных записках по Департаменту полиции можно прочитать следующее заключение: «За последнее время среди представителей некоторых наиболее крупных народностей,

⁶ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 89 (1891 г.), д. 44, ч. 22, л. 2 об.

⁷ Там же, оп. 91 (1893 г.), д. 171, л. 1–1 об., 2–3.

⁸ Там же, оп. 95 (1897 г.), д. 277, л. 1–3.

⁹ Там же, оп. 96 (1898 г.), д. 1477, л. 25, 30–35.

¹⁰ Там же, оп. 80 (1884 г.), д. 88, ч. 27, л. 1.

¹¹ Там же, оп. 91 (1893 г.), д. 152, ч. 23, л. 7 об.

¹² Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, лит. А, л. 27 об.

¹³ См.: *Кочкаров Н.А.* Политические партии Финляндии. СПб., 1909; *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982; *Первая революция в России...* С. 109–110.

¹⁴ Новый энциклопедический словарь. Т. 29. Пг., 1916. С. 630.

¹⁵ ГА РФ, ф. 102, 3 дел., оп. 87 (1889 г.), д. 61, л. 34.

населяющих Российскую империю, ведётся усиленная пропаганда в духе национального сепаратизма»¹⁶.

Что же произошло в 1890-х гг., почему усилилась пропаганда «в духе национального сепаратизма» среди «некоторых крупных народностей»? Конечно, шёл процесс увеличения численности тех или иных народностей России, выделения в них буржуазии и интеллигенции, сокращения удельного веса русского населения, которое по переписи 1897 г. составило только 43%. Но был и соответствующий толчок, данный общероссийским общественным подъёмом, вызванным голодом 1891–1892 гг. В современной литературе подобраны многочисленные материалы о роли этого голода в общественном движении¹⁷. Например, современник событий, историк А.А. Кизеветтер писал, что «уже к концу 1899 г., к концу правления Горемыкина, начавшееся с 1891 г. общественное оживление приняло острую форму, питаемую всё более выяснявшимся сознанием того, что пути правительственной власти и общества расходятся всё сильнее»¹⁸.

Общественный подъём оказал заметное воздействие и на национальные движения как на окраинах страны, так и в центре. Прежде всего отмечу украинское движение. В источниках в течение XIX в. прослеживается несколько подъёмов и спадов так называемого украинофильства, а также соответствующая реакция властей, менявших свою политику по отношению к украинцам. Свою роль сыграла грамматика украинского языка А.П. Павловского 1818 г., а также такие издания, как «Украинский вестник» 1816–1819 гг., «Харьковские известия» 1817–1819 гг. и «Украинский альманах» 1834 г. В 1847 г. III отделение завело специальное дело «О славянофильстве и украинофильстве», а также отдельное дело о художнике Т.Г. Шевченко¹⁹. Речь шла о возникшем в начале 1846 г. Кирилло-Мефодиевском обществе, получившем основательное отражение в литературе, в том числе и русскоязычной²⁰. Члены общества подверглись различного рода преследованиям, но со второй половины 1850-х гг. можно говорить о новом подъёме украинского движения, в котором, среди прочего, выделяли так называемых хохломанов и хлопоманов. В 1863 г., во время польского восстания, началось новое ограничение деятельности украинофилов, поэтому в 1864–1872 гг. происходил спад украинского национального движения. Его новый подъём заметен в середине 1870-х гг. В связи с этим по повелению императора было созвано Особое совещание по делу об украинофильской пропаганде²¹. Затем последовал так называемый Эмский указ императора Александра II 1876 г., в котором деятельность украинофилов определялась как «опасная в государственном отношении»²², и начался новый этап явного спада движения.

Его очередной подъём относится к 1890-м гг., но, что примечательно, в русскоязычной литературе, даже в многотомнике по истории Украины²³, этот

¹⁶ Там же, ф. 102, оп. 255 (1899 г.), д. 31, л. 46.

¹⁷ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 2000. С. 230–231; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 429, 430–480.

¹⁸ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 224.

¹⁹ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 22 (1847 г.), д. 81, ч. 6, л. 18.

²⁰ *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М., 1959.

²¹ *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 62–63.

²² Там же. С. 242.

²³ История Украинской ССР. Т. 4. Киев, 1983. С. 499–510.

процесс не нашёл подробного отражения. В некоторой степени он освещается в книге И.В. Михутиной²⁴, не мобилизовавшей, однако, источников Департамента полиции и рассмотревшей украинское движение 1890-х гг. лишь частично. Этого периода касается и украинский историк С.Г. Чмырь – автор ряда статей в российских энциклопедических изданиях²⁵. Она отметила, что в начале 1890-х гг. происходило создание сети «молодых» – гимназических, семинарских, студенческих громад, упрочение контактов с народо-социалистическим течением Галиции, трансформация традиционного украинофильского мировоззрения громадцев в национально-демократическую идеологию²⁶. Ещё Д.В. Антонович подавал эпоху 1890-х гг. как «наиболее интересное время в истории украинского общества, когда были заложены основы того общественного ренессанса, которые принесли свои плоды десятилетия спустя»²⁷. А.М. Грушевский писал о сильном влиянии идей Драгоманова и галицийского радикального движения на молодое поколение 1890-х гг.²⁸ Ещё до выхода этой книги о роли событий 1890-х гг. кратко писал С.А. Ефремов в своей брошюре, вышедшей сначала на украинском, а затем на русском языках²⁹. Некоторое отражение они нашли и в изданиях 1920-х гг.

Действительно, идеи М.П. Драгоманова, находившегося в эмиграции, а также издания на украинском языке, выходившие на территории Австро-Венгрии, оказали своё воздействие на подъём национального движения среди украинцев России³⁰. Эти издания проникали в Россию и раньше. Например, в мае 1883 г. в Департамент полиции поступили сведения об обнаружении в разных местах г. Сумы Харьковской губ. пяти экземпляров «преступных воззваний на малороссийском языке», озаглавленных «Люде добрі», от «социалистов-народников». Такие же издания были обнаружены и на станции Лозовой Харьковско-Азовской железной дороги³¹.

Летом 1891 г. в Харькове возникла нелегальная организация украинской молодёжи «Братство тарасовцев», действовавшая на Украине и в Бессарабии. Её отделения находились в Харькове, Киеве, Одессе, Чернигове, Полтаве, Екатеринославе и других местах. Среди видных деятелей братства известны И. Липа, М. Байздренко, М. Базькевич, В. Боровик. Цель организации – борьба за самостоятельность Украины, ослабление её связей с Россией и усиление европеизации. В качестве литературных авторитетов кроме Т.Г. Шевченко особое внимание уделялось творчеству И. Франко³², который творил в Австро-Венгрии.

²⁴ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 63–66.

²⁵ Чмырь С.Г. Украинская демократически-радикальная партия: генезис, программа, тактика (90-е годы XIX в. – 1909 г.) // История национальных политических партий в России. М., 1997. С. 150; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 43–44, 139, 634–635, 636–639, 642–647.

²⁶ Чмырь С.Г. Украинская демократически-радикальная партия... С. 147–148.

²⁷ Цит. по: Чмырь С. Антонович Д.В. // Политические партии России... С. 43.

²⁸ Грушевський М. Ілюстрована Історія України. Київ, 1918. С. 527.

²⁹ См.: Ефремов С. Из общественной жизни на Украине. М., 1916.

³⁰ Королёв Г.А. Великая Украина и Галиция эпохи XIX века: поиск исторической перспективы // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. М., 2011. С. 148.

³¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 255 (1883 г.), д. 4, л. 176.

³² Чмырь С.Г. Братство тарасовцев // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. А–Д. М., 1994. С. 284–285.

В 1890-х гг. распространение заграничных украинских изданий заметно усилилось. Мне совершенно случайно удалось обнаружить в деле о польских и литовских изданиях донесение помощника начальника Бессарабского губернского жандармского управления (ГЖУ) в м. Новоселицах от 30 апреля 1898 г. о перехвате пограничной стражей в Хотинском уезде Бессарабии транспорта с литературой на украинском языке. Всего – 18 изданий, среди которых сочинения И. Франко, О. Кобылянской, М. Павлика, П. Вартового, О. Маковея, переводы на украинский с английских и французских книг и др. Все они были отпечатаны во Львове или Черновицах³³.

В то же дело, по-видимому, также случайно попало ещё одно донесение того же помощника Бессарабского ГЖУ от 15 апреля 1901 г., в котором говорилось о водворении из-за границы украинских изданий членами украинофильской партии, поддерживаемой, в том числе и материально, австрийским правительством, и давалась характеристика руководящим деятелям этой партии, противостоящей направлению русофильского характера. В донесении сообщалось о связях австрийских украинцев с русскими украинцами³⁴.

Особое внимание привлекает двухтомное дело Особого отдела Департамента полиции «Об украинофильских кружках в Киевской и Черниговской губерниях», которое позволяет разобраться в становлении украинского движения 1890-х гг. Толчком к заведению этого дела стало письмо студента философского факультета Львовского университета Я.Н. Митрака. 12(24) декабря 1897 г. консул России во Львове К. Пуштошкин направил донесение в Министерство иностранных дел, которое было переслано в Департамент полиции. В нём со ссылками на Я.Н. Митрака сообщалось об агитационной деятельности киевского присяжного поверенного Михновского. Там же говорилось, что «галицкие малороссы, вместо того чтобы единодушно сплотиться для борьбы против угрожающего им окончательного ополячивания, разбились на несколько политических партий, из которых главная, так называемая Украинская, стремится к отделению Малороссии и южнорусских губерний от России и к самостоятельности Украины под эгидою восстановленной Польши»³⁵. Далее консул писал, что украинцы (видимо, украинцы Галиции. – В.Г.) не считают великороссов славянами, поскольку, как они утверждают, в их жилах больше татарской, чем славянской крови. По их мнению, поляки к ним гораздо ближе, и они предпочитают их язык и культуру, разделяют их надежды и идеалы.

По мнению консула, с такой бессмысленной программой это общество не могло рассчитывать на успех своей пропаганды в России, «если бы в основе её не лежали социалистические принципы»³⁶. Он также сообщал о пересылке украинцами революционных брошюр и книг в Россию всевозможными путями с целью возбуждения там революционного движения. Консул привёл и данные о Митраке, который был малороссом из Прикарпатской Венгрии. Он приходился родственником редактору русской газеты «Листок», издававшейся в Венгрии, и, слушая лекции в университете, сошёлся с украинцами, которые попросили его выслать 25 писем в Россию. Адреса эти он и передал консулу, как и воззвание на украинском языке по случаю 25-летия литературной деятельности И. Франко. Здесь же прилагалось воззвание на украинском языке от

³³ ГА РФ, ф. 102, оп. 226 (1898 г.), д. 14, ч. 4, л. 176–177.

³⁴ Там же, л. 306–309.

³⁵ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, л. 2–3.

³⁶ Там же, л. 3–3 об.

Товарищества им. Т. Шевченко с предложением собирать средства на создание научного фонда Украинско-русской академии наук.

Донесение консула привело в действие полицейскую машину, усилился сбор сведений о деятельности лиц, так или иначе связанных с украинским национальным движением. Начальник Киевского жандармского управления генерал Новицкий 12 января 1898 г. сообщил директору Департамента полиции о Н.И. Михновском. Тот был сыном православного священника Прилукского уезда Полтавской губ., воспитывался в Прилукской гимназии, в 1895 г. закончил юридический факультет Киевского университета. Являлся помощником присяжного поверенного и к делам политического характера не привлекался. Ещё будучи студентом университета, он принадлежал к местной партии украинофилов, был знаком с бывшим учителем киевской Фундуклеевской женской гимназии И. Стешенко, состоявшим под надзором полиции.

В полицию материалы о Михновском поступили ещё в сентябре 1893 г. Он характеризовался как крайний по своим убеждениям украинофил с «направлением безусловно противоправительственным», а круг знакомых с ним лиц – как отличавшийся сомнительной благонадёжностью³⁷. Несколько позднее директор Департамента полиции С.Э. Зволянский предписывал Новицкому секретным путём выяснить личный состав комитета «Молодая Украина», образовавшегося в Киеве. В связи с имевшимися указаниями на существование в Чернигове отделения Киевского комитета украинофилов предлагалось усилить наблюдение за деятельностью Черниговского кружка. Зволянский также сообщил Новицкому об имеющихся в Департаменте данных о Н.И. Михновском. В соответствии с ними, в декабре 1897 г. он посетил Львов, где вступил «будто бы в близкие сношения с галицкими представителями украинофильской партии, стремящейся к отделению Малороссии и южнорусских губерний и к образованию автономной Украины под верховенством восстановленной Польши». Там же он скупил значительное количество запрещённых изданий на малороссийском языке, в том числе сочинения Драгоманова, с которыми вернулся в Россию³⁸.

Таким образом, сигнал Митрака подтвердился, и к тем сведениям, которые он сообщил, постепенно прибавлялись всё новые материалы. Ещё 13 февраля 1898 г. помощник начальника Волынского ГЖУ на пограничном пункте в м. Радзивилов доносил о беседе с прибывшим туда из Львова консулом Пустошкиным, который сообщил о намерении членов партии польских социалистов Гнатюка, Новаковского и Голубовича организовать при помощи местных крестьян переправку в Россию революционных изданий. Члены этой партии сблизились с партией украинцев в Галиции и ищут пути связей с украинцами России. По словам консула, упомянутое общество обладает значительными средствами³⁹.

Несколько позднее Новицкий сообщил директору Департамента полиции о намеченном на 10–12 апреля съезде комитета тайного общества «Молодая Украина» в Киеве. Собрание должно было проходить на квартирах Лысенко, Рьльского и Тимченко. Он же писал о новых контрабандных перевозках книг из-за границы и о том, что они направляются также в Лубны, Одессу, Чернигов. Новые сведения о деятельности «Молодой Украины» Новицкий сообщал в Департамент полиции и позднее, например в сентябре 1898 г. Все эти данные

³⁷ Там же, л. 7–8.

³⁸ Там же, л. 12–12 об.

³⁹ Там же, л. 30–30 об.

позволили составить специальную аналитическую записку, содержание которой сводилось к следующему.

С весны 1896 г. в Киеве существовало тайное общество под названием «Молодая Украина». Его цель заключалась в пропаганде социализма и политического украинского сепаратизма. Эта организация имела в различных городах отделения – громады, всего 22. Важнейшие из громад, кроме Киева, находились в Чернигове, Лубнах и Одессе. Всех их членов насчитывалось 438 человек, из которых в Киеве – 108. Каждый их член платил в год не менее 25 руб. Главное их правление – Рада – размещалось в Киеве.

Далее подробно рассказывалось о годичных собраниях всех громад, проходивших в Киеве с 20 по 27 августа. В них приняли участие более 40 человек. 20 августа состоялось собрание на Подоле у директора пивоваренного завода Михальчука, на нём председательствовал Русов из Чернигова, 21-го – у учителя музыки Лысенко, председателем был Шраг, также из Чернигова, 22-го – у доцента, доктора Черняховского, председательствовал Науменко, учитель 2-й гимназии в Киеве, 23-го – у Косачёвой, 25-го – у Лысенко и 26-го – у Науменко. Во время собрания у Черняховского была избрана новая Рада. Лысенко стал её председателем, Науменко и Рыльский – редакторами, а Кононенко (Иванов) – бухгалтером и заведующим книжной лавкой при «Киевской старине». Тимченко занял должность казначея и библиотекаря тайной читальни запрещённых книг. Сообщалось также о финансовых средствах организации. Так, за год, кроме членских взносов в сумме 11 980 руб., поступило от адвоката Левицкого из Елизаветграда 7 500 руб., 1 тыс. руб. была передана Русовым от Черниговской губернской земской управы. Всего же за год собрали более 23 тыс. руб.

В этой записке также сообщалось, что в июле Кононенко организовал из рабочих вокзальной мастерской украинскую артель, в правлении которой состояли Кононенко, Мерный и Черкасский. Обществу удалось напечатать в Австрии историю Украины – «Бесіди» и устроить перевозку книг, за которыми дважды ездил Михновский и один раз – Кононенко. Говорилось и о том, на какие цели направлялись денежные средства. В частности, 800 руб. было выделено на устройство тайной типографии в Чернигове, 600 руб. – на организацию перевозки книг из Австрии и т.д. В записке сообщались города, откуда прибыли делегаты на съезд (Чернигов, Одесса, Винница, Кишинёв, Житомир, Полтава, Елизаветград, Херсон, Петербург и др.), и фамилии его участников⁴⁰.

Кроме данной записки в деле имеется и ряд других материалов об украинском движении. Например, 16 августа 1898 г. начальник Киевского ГЖУ писал об украинофильской партии в Киеве, состоявшей под руководством громады, представителями которой являлись профессор Антонович, учитель музыки Лысенко, учитель гимназии Науменко, учитель коллегии Трегубов, директор завода Михальчук и др. Отмечалось, что «под влиянием этих лиц молодёжь действует в противоположительственном духе», что Трегубов через своего шурина И. Франко установил связи украинофильской партии с кружками лиц, «занимающихся изданием преступных сочинений в Львове». С этой целью С. Деген и Ф. Кистяковский с некоторыми молодыми людьми отправились за границу, намереваясь установить тайный провоз в Киев запрещённых изданий на деньги, выданные Науменко, которые Кистяковский передал эмигранту Драгоманову.

⁴⁰ Там же, л. 61–63.

В этом же донесении говорилось, что ещё в 1894 г. художник М.О. Микешин представил в Министерство внутренних дел для утверждения проект устава «Общества имени поэта Шевченко». По этому поводу был сделан запрос начальнику Киевского ГЖУ. Последний 17 марта 1894 г. уведомил, что, по имеющимся данным, мысль об организации данного общества принадлежала Драгоманову. В соответствии с его планом, общество должно было иметь два устава – официальный и тайный, «преследующий революционные цели». Оба устава составляла комиссия, в которую входили Науменко, Лысенко, Ковалевский и др. Официальный устав, обсуждённый на квартире Старицкого членами старой громады, куда входили в том числе Науменко, Михальчук, Лысенко и другие, был отправлен в Петербург⁴¹.

Несколько позднее, 5 сентября 1898 г., в Департамент полиции было послано и донесение начальника Черниговского ГЖУ, которому следовало проследить за приехавшими в Чернигов агентами И. Франко, имевшими целью переправку в город типографского станка. Но наблюдение не дало никаких результатов. При этом отмечалось: «Сплочённый кружок Русова и Гринченко продолжает существовать в Чернигове, в коем принимает особенно активное участие учительница и надзирательница Земского приюта Феодосия Шкуркина, известная в Чернигове как женщина с крайним направлением»⁴².

В другом донесении подобного плана от 15 сентября 1898 г., на сей раз посланном в Департамент полиции начальником Люблинского ГЖУ, сообщалось о студентах Ново-Александровского института В. Исаеве и К. Мацеевиче и Киевского университета Доманицком, которые привлекли внимание тем, что ходили по улицам в «простонародных малороссийских костюмах». Несмотря на произведённые два года назад аресты, малороссийское или полтавское землячество не прекратило своего существования, потому что два наиболее популярных и осведомлённых главаря – студенты Доманицкий и Рогозинский – не только не были арестованы, но даже не подверглись обыску, в их руках было сосредоточено управление делами малороссийского землячества – библиотека, касса, типография и т.д. Их библиотека, состоящая наполовину из запрещённых книг заграничного издания, размещалась между книгами профессора Антоновича, у которого эти студенты снимали комнату, поэтому её и не обнаружили при обыске в марте 1897 г. по поводу студенческих беспорядков, связанных с делом Ветровой. Центр пропаганды находится в предгорной местности Киева – в Слободке, в пределах Остерского уезда Черниговской губ.

Также подчёркивалось, что между населением распространялись различного рода брошюры и прокламации, напечатанные в собственной подпольной типографии землячества, местонахождение которой тщательно скрывалось. Говорилось о несомненной связи между малороссийским и киевским землячествами и галицийскими украинофилами⁴³. Украинские землячества существовали и в ряде городов России (например, в 1893 г. в Варшавском университете действовал кружок украинофилов⁴⁴). Вообще, в 1890-х гг. число подобного рода землячеств росло, среди них шла активная пропаганда в пользу украинского дела, распространялись украинские книги, листовки, прокламации. Они нередко переправлялись по почте, перехватывались чиновниками почтового ведомства и передавались жандармам.

⁴¹ Там же, л. 79–79 об.

⁴² Там же, л. 82–83.

⁴³ Там же, л. 84–85 об.

⁴⁴ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 91 (1893 г.), д. 1–6.

В декабре 1898 г. обращалось внимание на письма, направленные студенту И. Боговскому в Варшаву, И. Жигадло в Москву, Г. Коркушко в Александрию Люблинской губ., С. Коваленко и Н. Бундюку в Одессу с вложением программы на малороссийском языке⁴⁵. Эта программа, начинавшаяся словами «Мы, украинская молодёжь, стремящаяся к политическому самоуправлению», провозглашала разного рода свободы, политическую автономию Украины и, пожалуй, главное – «распространение пропаганды украинской идеи, как в интересах общественных, так и частных», и «исключительное употребление при сношении с народами местной национальной речи»⁴⁶.

Вообще, в то время распространялось несколько прокламаций подобного рода. Например, «Программа украинской национальной партии», имевшая довольно пространную историческую преамбулу, где доказывалась самобытность украинской нации, её отличие от великороссов и белорусов. Особенное внимание в ней уделялось украинскому языку, который должен стать господствующим повсюду в Украине: «Язык есть один из важнейших признаков и доказательств внутреннего подъёма национальности: язык есть орган духа». Высказывалось убеждение, что Украина скоро приобретёт свободу. Ставилась задача популяризации украинской идеи и содержался призыв к тому, чтобы постоянно возвышать свою нацию перед другими. Среди прочего там можно прочесть и установку на активное участие в организации «федеративного устройства в тех державах, в составе коих находится Украинская земля». В области социально-экономической ставилась задача установления равенства между мужиками и господами. Поскольку крестьяне среди украинцев составляют большинство, им следует уделять особое внимание. В программе провозглашалось конституционное устройство державы, с которой федеративно будет соединена Украина на основе всеобщего голосования, провозглашались свободы мнения, религии, слова, печати, просвещения и т.д.⁴⁷

В прокламации под названием «Объявление 1899 года» читаем следующее: «Публично заявлять каждый раз, что всякие невзгоды причиняются украинскому народу тем, что учение производится на языке русском». В ней содержится призыв к студентам наладить украинские издания, осуществлять переводы на украинский с русского и других языков, работать в легальных обществах. Среди прочих задач значилось: «Входить в сношения с передовыми демократическими национальными партиями недержавных наций»⁴⁸. В целом эти издания были сочинениями явно политического свойства. Поэтому нельзя вполне согласиться с С.А. Ефремовым, писавшим о преимущественно культурной деятельности активистов украинского движения 1890-х гг., которых он же называл всеукраинской организацией⁴⁹.

В рассматриваемом деле об украинофильских кружках в Киевской и Черниговской губерниях имеется и ряд других материалов, заслуживающих внимания. В них говорится о деятельности ряда видных деятелей украинской культуры и украинского национального движения. Наряду с одним из крупнейших украинских писателей М.М. Коцюбинским и выдающимся украинским композитором

⁴⁵ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, л. 86.

⁴⁶ Там же, л. 89–89 об., 92 об.–93 об. (перевод на русский язык).

⁴⁷ Там же, л. 113–114 об.

⁴⁸ Там же, л. 121а, 137–137 об. (перевод на русский язык).

⁴⁹ Ефремов С. Указ. соч. С. 24–25.

Н.В. Лысенко там фигурируют В.Н. Доманицкий⁵⁰, В.М. Шемет, М.М. Грушевский, Б.Д. Гринченко, Б.А. Кистяковский, В.П. Науменко и другие видные деятели украинского движения, ставшие особенно известными в начале XX в.

В очередном своём донесении в Департамент полиции генерал В.Д. Новицкий 13 октября 1899 г. сообщал о сторонниках украинофильской партии, главным образом, в Киевской, Харьковской, Полтавской и Черниговской губерниях, «стремящихся во что бы то ни стало создать самостоятельную славянскую особь из малоруссов и выделиться из одного целого – русского народа». Он отмечал их издания, «наполненные не только тенденциозными статьями, но и преступно-политическими против России, частью на малороссийском языке, искажённом полонизмами, частью на галицийско-украинском, мало понятном даже для малороссиян и, наконец, за последнее время на “украинско-русском” языке»⁵¹. Новицкий обратил внимание на проходивший в Киеве 11-й археологический съезд, в частности на прибывшую туда делегацию из Галиции, члены которой распространяли галицийскую литературу на украинском языке, а также упомянутую «Программу украинской национальной партии».

В этом же деле имеется ряд перехваченных писем деятелей украинского движения, которые расширяют представление о нём. В одном из таких писем, посланном 17 ноября 1899 г. Д.В. Антоновичем студенту Киевского университета А.М. Рогозинскому, сообщалось о желании составить и выпустить ещё одну программу, напечатать за границей и перевезти элементарные брошюры революционного содержания, осуществить переводы с других языков и подготовить их к печати. Он писал о необходимости издать украинскую подпольную литературу и «наводнить ею край». В письме также говорилось о желании привезти на съезд напечатанную старую программу и рукопись новой, а также две первые книги, изданные новой Харьковской украинской революционной партией, и прочие издания, в том числе книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». При этом Антонович сообщал о том, что Украинское общество (более 20 человек) устроило в Харькове «Союзный совет», который уже начал действовать. Он подчеркнул, что в обществах не все революционеры, и подобные отделения следует заводить и при других обществах с большой автономией⁵².

Естественно, что такое письмо не могло не заинтересовать директора Департамента полиции, который приказал его задержать и передать копии в Харьков и Киев. Письмо действительно содержит ряд интересных сведений, прежде всего о РУП. С. Ефремов вспоминал, что «первой по времени партийной организацией на украинской почве была Революционная украинская партия (Р.У.П.), возникшая приблизительно около 1900 г.»⁵³. В современной литературе как дата основания этой партии фигурирует 11 февраля 1900 г. (3-й съезд украинских студенческих громад в Харькове)⁵⁴. Видимо, об этом съезде и пишет Антонович, который действительно сыграл большую роль в организации РУП. Но в письме Антоновича от 17 ноября 1899 г. о РУП говорится как

⁵⁰ Чистому сердцем. Памяті Василя Доманицького. Біографія, спомини, похорон. Київ, 1912.

⁵¹ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, л. 110–110 об.

⁵² Там же, л. 115–115 об.

⁵³ Ефремов С. Указ. соч. С. 30.

⁵⁴ Чмырь С. Революционная украинская партия // Политические партии России... С. 505.

уже о действующей партии, по-видимому, речь шла об её организационном ядре⁵⁵.

Под влиянием этого письма были отданы соответствующие распоряжения начальникам киевского и харьковского жандармских управлений о сборе материалов об этой партии. В ответ из Киева 3 декабря поступило донесение генерала Новицкого директору Департамента полиции о том, что приняты меры к выяснению состава «Киевской революционной украинской партии» и установлению времени и места предстоящего съезда. При этом генерал подчёркивал: «Студенты Дмитрий Антонович и Александр Рогозинский, а также и другие лица из учащейся молодежи, принадлежащие к этой партии, несомненно, действуют под влиянием и руководством местных, известных “украинофилов”, преследующих известные политические цели внесением фактической ненависти к России, русскому народу и русской образованности и ведением пропаганды сепаратистских идей»⁵⁶. Однако никаких точных сведений об этой партии и месте проведения съезда жандармским властям тогда ещё известно не было. Съезд состоялся, как уже отмечалось, в феврале 1900 г.

В этом деле имеется информация об очередном съезде всеукраинской организации в Одессе. О нём подробно информировал директора Департамента полиции начальник Одесского ГЖУ 18 августа 1900 г., приводя фамилии участников съезда и места, откуда они прибыли. О составе этого съезда поступили сведения и несколько позднее⁵⁷. Известно, что Всеукраинская организация являлась нелегальным федеративным союзом украинских громад. Она была создана летом 1897 г. членами старой громады В.Б. Антоновичем и А.Я. Конисским. Численность её, по разным данным, колебалась от 150 до 450 человек, из них 100 являлись киевлянами. Таким образом, сведения о численности «Молодой Украины», которые приводятся в рассматриваемом архивном деле, близки к этим данным, особенно по Киеву. Всего же в ВУО входили 20 громад – в Киеве, Одессе, Чернигове, Полтаве, Екатеринославе, Херсоне, Екатеринодаре, Виннице, Житомире, Елизаветграде, Севастополе, Петербурге, Москве и др. Вошло в неё и «Братство тарасовцев», возникшее как нелегальная молодёжная организация ещё в 1891 г.⁵⁸

Эта организация была создана в Харькове студентами И.Л. Лыпой, М.М. Базькевичем, Н.Г. Байздренко и служащим В.Г. Боровиком. Постепенно привлекая новых сторонников, в том же Харькове они создали кружок «Молодая громада», который отказался от преемственности со старым украинофильством, объявив его изжившим себя. Кружок был раскрыт полицией в 1893 г., все его 24 члена и сочувствующие привлечены к суду. Но идея получила отклик в определённых кругах украинского общества. В Киеве возник тарасовский кружок, в который вошли В.Г. Боровик, Е.К. Тимченко, В.И. Самойленко, братья А.Г. и Е.Г. Черняховские, М.С. Кононенко, братья Н.И., Г.И., И.И. Михновские, – всего 16 человек. Затем такие кружки появились в Полтаве, Одессе, Чернигове, Екатеринославе, Лубнах, Бессарабии. Тарасовцев поддерживали М.М. Коцюбинский и его супруга. Поимённо установлены 49 членов организации, общее же их число достигло 100 человек⁵⁹.

⁵⁵ Программа РУП была опубликована в 1903 г. См.: Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Сборник документов. Вып. 1. М., 1996. С. 8–12.

⁵⁶ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, л. 123.

⁵⁷ Там же, л. 143–143 об.

⁵⁸ *Чмырь С.* Всеукраинская организация // Политические партии России... С. 139; *она же.* Гринченко Б.Д. // Там же. С. 164.

⁵⁹ *Михушина И.В.* Указ. соч. С. 63–64.

В Киеве в 1896 г. выделилась и группа украинских социал-демократов, в которую вошли И.М. Стешенко, П.Л. Тучапский (Лукашевич), М.М. Коцюбинский, Леся Украинка (Л.П. Косач) и др. Среди деятелей украинского движения заметно некоторое размежевание и выделение тех, кого можно отнести к категории экстремистов. К ним, например, относился Н.И. Михневский, призывавший к борьбе «кровавой и беспощадной» за Украину от Карпат до Кавказа и выступавший против москалей и русской культуры⁶⁰. Известно также малороссийское землячество в Петербурге, не отличавшееся какой-либо особой активностью⁶¹, а также украинофильский кружок студентов Варшавского университета, распространявших галицийскую «Правду», которая, по мнению властей, имела «весьма вредное противоправительственное направление»⁶².

Таким образом, 1890-е гг. отличались несомненным подъёмом украинского национального движения. Вместе с тем в нём участвовали лишь несколько сотен человек, и говорить о широком национальном потоке, конечно, не приходится. В этой связи нельзя не вспомнить слова активного участника народного движения украинского поэта П.А. Грабовского: «Украина была не чем иным, как только лозунгом, под обликом которого господствовавшие слои грели себе руки. Сказать, что украинский шляхтич, иерарх или казак идут к той же самой цели, что и посполитый, что все они были проникнуты одними мыслями и стремлениями, одинаково боролись за украинскую идею, – значит тешить себя и читателей сказками, закрывать глаза на события действительной жизни, затыкать уши на голос науки и разума»⁶³. В конце XIX в. ещё было так, но украинское движение шло по нарастающей, что стало особенно заметно уже в начале следующего XX столетия.

Развивалось и армянское национальное движение. В 1890 г. поступили сведения об активной деятельности Р. Ханазадова, проживавшего в Тифлисе и собиравшего деньги в пользу своих турецких соплеменников, которые готовили восстание против османского правительства, и принимавшего участие в распространении заграничного армянского революционного издания «Гнчак» («Колокол», «Звон»)⁶⁴. Летом 1897 г. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант, князь Г. Голицын усмотрел в деятельности четырёх армянских благотворительных обществ политическую подоплёку и предложил их закрыть. Однако министр внутренних дел И.Л. Горемыкин эту инициативу не поддержал⁶⁵. А 5 февраля 1898 г. начальник Тифлисского ГЖУ полковник Дебиль подчёркивал: «Из населяющих Тифлисскую и Елисаветпольскую губернии народностей в течение минувшего 1897 г. потребовала особого внимания Тифлисского губернского жандармского управления почти исключительно армянская народность»⁶⁶. Далее он сообщал о возбуждённом ещё в 1896 г. дознании о пяти армянах, обвинённых в преступлении, предусмотренном ст. 250 Уложения о наказаниях. Их виновность в принадлежности к тайному армянскому обществу была вполне доказана в процессе обысков, приведших к обнаружению революционных газет и бумаг. При этом Дебиль

⁶⁰ Там же. С. 66; Первая революция в России... С. 113.

⁶¹ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 150, т. 2, л. 1–28; ф. 102, 3 дел., оп. 88 (1890 г.), д. 221, л. 1–48.

⁶² Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 91 (1893 г.), д. 510, л. 1–5.

⁶³ Цит. по: История Украинской ССР. Т. 4. С. 508–509.

⁶⁴ ГА РФ, ф. 102, оп. 255, д. 28 (1895 г.), л. 32–35 об.

⁶⁵ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 95 (1897 г.), д. 1001, л. 4–9 об., 25, 141.

⁶⁶ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, л. 62.

напомнил о другом деле, оконченном в 1896 г., об С. Агамирове, Р. Ханазадове и других армянах – русских подданных, обвинённых в принадлежности к тайному революционному обществу «Гнчак» и составивших в Тифлисе местный комитет этого общества. Отмечалось, что силы его ещё далеко не исчерпаны, и с ним приходится считаться, тем более что оно направлено и против России.

В этом же донесении давались краткие данные об обществе «Гнчак». По сведению жандармских властей, оно было основано до 1890 г. в Афинах под руководством персидского подданного Назарбекова, ставшего редактором газеты с тем же названием. В 1891 г. в ней была обнародована программа общества, главной целью которого объявлялось освобождение турецких армян, получение ими независимости и политической свободы. Следующая цель – добиться «всеобщего освобождения армянства также из деспотического ярма русского и персидского, и из этих трёх частей основать союзную, демагогическую (sic! – В.Г.) республику, которая откроет дорогу всему армянству к будущим отдалённым целям: к идеальному общественному формированию, к социальному миру, к которому должно стремиться всё человечество»⁶⁷.

Чётко формулировались и средства достижения этих целей: пропаганда идеи сообщества среди армян, образование тайных революционных кружков в местах проживания армян и вооружённое восстание. Автор донесения рассматривал это общество как серьёзную организацию, поскольку в него входили влиятельные лица, в частности архимандрит Леон (Хаджаян), и имелись большие средства, собранные в разных городах Кавказа, в Ростове-на-Дону и Закаспийской обл., что позволило посылать эмиссаров, вести пропаганду, организацию и вооружение отрядов. Для сбора пожертвований члены общества не остановились даже перед убийством нескольких армянских купцов.

По тем же данным, в 1893 г. центр общества «Гнчак» переместился в Лондон, куда Назарбеков перевёл и свою газету. Он наладил контакт с армянами – русскими подданными, учившимися в высших учебных заведениях за границей. Вернувшись в Россию, они стали там представителями центра. Параллельно велась вербовка и на Кавказе, где уже в 1895 г. существовали комитеты этого общества в Елисаветполе, Шуше, Александрополе, Карсе, Батуме, Ахалцихе, Баку и предпринимались меры для создания таких же комитетов в Боржоме, Екатеринодаре и Владикавказе. Особый центр находился в Тифлисе⁶⁸.

В этом же деле содержатся сведения и о революционном «Обществе армянистов», ратовавшем за самостоятельное армянское государство. Первоначальным центром его был г. Ван, а главным организатором – учитель местной школы Партугальян. После закрытия школы, ставшей очагом армянского движения, Партугальян переехал в Марсель, где наладил издание газеты «Арменист». В Ване остались его последователи, выработавшие свою программу. Это общество, или, как его также называют, партия, имело свои комитеты в Ване, Салмасте (в Персии), Тифлисе, Эчмиадзине и других городах. Оно ставило задачу освобождения армян Турции путём оказания сопротивления турецкому правительству и состояло почти исключительно из турецких армян. Общество вошло в контакт с другими армянскими партиями – «Дрошак» («Знамя») и «Гнчак» и проводило усиленную агитацию в Ване, вооружая своих сторонников. Результатом стала устроенная курдами и турецкой армией резня армян

⁶⁷ Там же, л. 62 об.

⁶⁸ Об обществе «Гнчак» и его программе см. также: ГА РФ, ф. 102, оп. 255 (1896 г.), д. 29, л. 73–75.

в 1896 г., повлёкшая за собой бегство тысяч армян из Турции в Россию, где также стало действовать «Общество арменистов», имевшее в качестве своего печатного органа ту же газету «Арменист»⁶⁹.

В рассматриваемом донесении сообщается ещё об одной армянской организации – «Крыв» («Бой», «Борьба»), о которой писалось в «Еженедельных записках» Департамента полиции ещё в декабре 1895 г. Тогда отмечалось, что наряду с подпольными армянскими листками «Гнчак», «Дрошак»⁷⁰ и другими на Кавказе появилось и получило широкое распространение новое издание под названием «Крыв», призванное служить органом «Армянской рабочей революционной ассоциации», именующей себя «Ассоциацией армянских социалистов». Это общество террористической направленности поставило задачу широкой пропаганды среди армянского населения идеи восстановления и развития в народе социально-революционного духа. В газете «Крыв» в статье «Открытые письма другу» отмечалось: «Наш враг – это древний мир с своим общественным устройством. Наши братья – рабочие всех стран и народов, которые эксплуатируются этим устройством. Наша родина – это возрастающий союз рабочих-социалистов. Наша религия – это ожидаемое царство истины и труда»⁷¹.

Это армянское общество было близко к русским революционерам и имело связь с московскими армянами⁷², имело оно связи и с «Гнчаком» – правление «Ассоциации» почти в полном составе переехало в турецкую Армению⁷³. В донесении полковника Дебиля говорилось об аресте в июне 1897 г. И. Балубекова, у которого было обнаружено воззвание к армянам о денежных пожертвованиях ему как члену армянского революционного сообщества «Крыв» с пометой места выдачи возвания (Марсель) и временем (1897 г.). До этого он входил в общество «Гнчак», затем поссорился с гнчакистами и в 1897 г., возвратившись в Россию, сделал попытку основать новое армянское революционное общество «Крыв». Для сбора средств сам написал найденное при нём свидетельство, которое удостоверяло его принадлежность к этому обществу⁷⁴.

К указанным армянским революционным обществам полковник Дебиль добавил также «Дрошак», которое назвал самым крайним с чисто анархистской программой. При этом он отметил стремление всех армянских обществ к объединению своих сил. Он также писал, что среди армян, как переехавших в Россию из Турции, так и местных, «идёт сильное брожение, охватившее не только армянскую интеллигентную молодёжь и низшие слои населения городов и местечек этой народности, но также и те элементы её, которые по своему выдающемуся положению в торговом мире и своим серьёзным торговым занятиям, казалось бы, должны были быть вполне поглощены ими». К этому движению примкнуло также и духовенство⁷⁵.

В фонде Департамента полиции имеются и многие другие материалы об армянском движении конца XIX в., не только в России, где оно усилилось после

⁶⁹ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, л. 64–66.

⁷⁰ О переправке «Дрошака» из Персии см.: там же, ф. 102, 3 дел., оп. 92 (1894 г.), д. 823, л. 6–6 об.

⁷¹ Там же, оп. 255 (1895 г.), д. 28, л. 180 об.

⁷² Там же, оп. 93 (1895 г.), д. 563, л. 1–10.

⁷³ Там же, оп. 255, д. 28 (1895 г.), л. 182.

⁷⁴ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, л. 66–66 об.

⁷⁵ Там же, л. 67.

закрытия армянских церковных школ⁷⁶, но и в Турции, Иране, Болгарии, Румынии⁷⁷ и других странах. В частности, отмечалось, что ещё в 1892 г. состоялось общее собрание членов армянского революционного союза. В 1894 г. в венской «Свободной типографии» оно издало свою программу, где прежде всего ставилась задача борьбы против османского правительства. Издавалась там и газета «Дрошак», которая, как известно, являлась главным органом ещё одной армянской организации, затем партии – «Дашнакцутюн» («Союз»). Дрошакистами назывались дашнаки. О «Дрошаке» в сентябре 1896 г. поступили сведения от российского посланника в Швейцарии, а о раздорах между гнчакистами и дрошакистами в Женеве, потребовавших создания третьей стороны, писал чиновник особых поручений Департамента полиции П.И. Рачковский⁷⁸.

Позднее, в феврале 1903 г., в Департамент полиции поступили сведения о том, что почти во всех крупных городах Закавказья имеются отделения или подкомиссии обоих заграничных армянских революционных центров – дашнакистов или дрошакистов и гнчакистов. Такие подкомиссии отмечены в Баку, Тифлисе, Шуше, Караклисе, Александрополе и Карсе. Две последние считались наиболее сильными и влиятельными⁷⁹.

И о «Гнчаке», и о «Дашнакцутюне» имеется обширная литература, в том числе и на русском языке, которая дополняет, а порой и корректирует сведения Департамента полиции. «Гнчак», который с 1903 г. стал называться армянской социал-демократической партией, был образован в Женеве группой выходцев из российской Армении в 1887 г. Его программа неоднократно изменялась, причём первый вариант был составлен ещё в 1887 г., а окончательный выработан в 1897 г. в Лондоне. Исследователи усматривают в них влияние и «Народной воли», и группы «Освобождение труда»⁸⁰.

Партия «Дашнакцутюн» была основана в 1890 г. в Тифлисе и уже тогда объединяла ряд революционных кружков армян, созданных ещё в 1880-х гг. Как и «Гнчак», «Дашнакцутюн» выпускал ряд печатных изданий в разных странах. В 1890 г. была выработана и на 1-м учредительном собрании в 1892 г. в Женеве принята его программа. На 2-м собрании или съезде, состоявшемся в 1898 г., был принят устав, на основе которого затем строились партийные структуры. Дашнаки имели довольно разветвлённую боевую организацию и занимались насильственным изъятием денег у состоятельных армян России вплоть до казни некоторых из них⁸¹.

1890-е гг. отмечены и некоторым оживлением национальных настроений в Грузии. Интересно, что в мае 1893 г. в Харькове и Варшаве подверглись аресту

⁷⁶ Там же, лит. Б, л. 104; О прокламациях по поводу закрытия армянских школ в Тифлисе в 1885 г. см.: там же, ф. 102, оп. 255 (1885 г.), д. 8, л. 181 об.–183 об.

⁷⁷ Об аресте армянских революционных деятелей в Галаце (Румыния), ратовавших за восстановление армянского государства, см.: там же, ф. 102, оп. 255 (1895 г.), д. 27, л. 7 об.–8 об.; Об армянах Турции и их связях с Россией см.: там же, ф. 102, 3 дел., оп. 93 (1895 г.), д. 1130, л. 2–43.

⁷⁸ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, лит. А, л. 27–27 об.

⁷⁹ Там же, лит. Б, л. 40.

⁸⁰ *Кривеньский В.* «Гнчак» // Политические партии России... С. 154–155; *Галоян Г.А.* Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье. 1900–1922. Ереван, 1969. С. 4–7; Программы «Гнчак» и «Дашнакцутюн» см.: Программные документы национальных политических партий... С. 53–56, 156–157.

⁸¹ *Кривеньский В.* Дашнакцутюн // Политические партии России... С. 177–178; *Кириакян Н.Б.* Создание и деятельность партии «Дашнакцутюн» (1890–1907 гг.) // История национальных политических партий в России. С. 169–181.

несколько студентов, обвинённых в перевозке из-за границы революционных изданий. В Варшаве в числе других были задержаны студенты Ветеринарного института Мирианов, Махарадзе и Микадзе, у которых обнаружили сундук с книгами, тайно привезёнными из-за границы. У них же изъяли переписку и различные документы на грузинском языке, один из них представлял собой программу сообщества под названием «Лига свободы Грузии», другой – устав этой Лиги. Из содержания документов вытекало намерение её членов бороться за освобождение Грузии от русского владычества и восстановление её в прежнем виде. Понимая собственную малочисленность, они признавали необходимость объединения сил не только с кавказскими народностями, но и сближения с русскими революционными деятелями⁸².

Изучение Устава организации свидетельствовало о её делении на секции из десяти человек, каждая из этих секций выбирала своего представителя в «Центральный комитет», который и ведал делами Лиги. По Уставу предусматривалась жестокая кара предателям вплоть до смертной казни. По свидетельству одного из арестованных – Микадзе, проекты этих документов были составлены в январе 1893 г. студентами-грузинами Варшавского университета и Ветеринарного института Меликовым, Шепселием, Дебадаровым и Махарадзе. После этого имели место сходки восьми студентов-грузин, находившихся в Варшаве, на которых эти документы были доработаны, и участники сходок решили начать исполнение программы по возвращении на родину. Пока же ограничились ознакомлением с этой программой всех прибывавших в Варшаву студентов-грузин с целью привлечения их к деятельности Лиги⁸³. Имела ли хоть какой-то отзвук деятельность Лиги в Грузии, выявить не удалось. Но в том же 1893 г. были отмечены беспорядки среди учащихся Тифлисской духовной семинарии⁸⁴.

Через несколько лет, в 1898 г., в Россию тайно прибыл видный деятель анархистского движения В.А. Черкезов, грузин по национальности. По возвращении за границу он отметил, что «в Грузии, будто бы, начинает проявляться противоправительственное движение, вызываемое нарушением условий договора, по коему означенная страна была присоединена к империи». Последние реформы российского правительства в крае, отмечал Черкезов, нарушили вековые традиции грузин и продемонстрировали намерение окончательно присоединить их к русской культуре. Грузинские националисты снабдили Черкезова материалами для брошюры и прокламаций, в которых должно быть изображено современное положение Грузии, предоставили ему денежные средства для публикации этих изданий и распространения их на Кавказе. После этого Черкезов опубликовал в 42-м номере издаваемых в Лондоне Фондом вольной русской прессы «Летучих листков» статью «Письма о Грузии»⁸⁵. Номер этот вышел в марте 1898 г. А несколько позднее, в 1902 г., итальянский посол в России Морра де Лавриано передал российским властям 4-й номер выходившего на французском языке «Официального бюллетеня Национального комитета грузинских сепаратистов»⁸⁶.

Конец XIX в. отмечен заметным оживлением национальных движений и в Прибалтике. В материалах Департамента полиции можно прочитать следую-

⁸² ГА РФ, ф. 102, оп. 255 (1893 г.), д. 24, л. 33–34.

⁸³ Там же, л. 34 об., 49–49 об.

⁸⁴ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 91 (1891 г.), д. 1271, л. 8.

⁸⁵ Там же, ф. 102, оп. 255 (1898 г.), д. 30, л. 134–134 об.

⁸⁶ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 1, лит. Б, л. 21.

щее: «Приблизительно в 1893 г. среди образованных литовцев началось сильное брожение против русского правительства, угнетающего якобы литовский народ, которое затем перешло в чисто революционную пропаганду, получившую широкое развитие»⁸⁷.

Ситуация в Литве во многом напоминала то, что происходило на Украине. Толчком к оживлению национальных чувств стало ущемление литовского языка и литовских печатных изданий латинским шрифтом. Позднее, в 1902 г., когда было заведено специальное дело о литовском национальном движении, ставшем одной из частей уже упоминавшегося большого дела о национальных движениях, имеющих характер политический, на одно из жандармских донесений была наложена резолюция предположительно директора Департамента полиции: «Вполне согласен, тем более что национальный вопрос в Литве обострился только благодаря запрещению ихней азбуки. Мне известно (пока это не подлежит оглашению), что азбука им будет разрешена»⁸⁸.

Но эта резолюция последовала потом, а в 1890-х гг. оживление среди литовцев стало постоянной величиной. Среди них было много эмигрантов, наладивших за рубежом издание литовской литературы, в том числе и периодической печати. Ещё в 1882 г. товарищ министра внутренних дел И.Н. Дурново дошёл до сведения Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора то, что в Германии существуют общества, поставившие себе целью распространение враждебных российскому правительству «идей в Литовских провинциях империи путём издания, преимущественно в Кёнигсберге, жмудско-литовских сочинений, отличающихся антирусским направлением»⁸⁹.

Даже в далёких США литовским эмигрантам удалось наладить издание ряда своих газет на литовском языке. В 1897 г. их было восемь. В переводе на русский они носили следующие названия: «Единство литовцев», «Литва», «Голос», «Рабочий», «Отчизна», «Меч», «Утро», «Солнце». Там же в 1887 г. возник «Сейм» Союза американских литовцев. Известно о существовании и Парижского литовского общества⁹⁰. В Лондоне литовцы перевели на свой язык и издали книгу В. Либкнехта «Во имя правды», а в Глазго устроили литовский приход на 800 прихожан. Особую роль играли литовские издания в Восточной Пруссии. В Тильзите в 1890-х гг. выходили «Хозяин», «Колокол» и «Страж Отчизны». Некоторое время публиковалось и «Обозрение»⁹¹. В 1883–1886 гг. там же выходил журнал «Заря»⁹².

Из приверженцев «Зари» выделились две политические группы: одна имела своим органом «Varpas» («Колокол»⁹³), другая – журнал «Apzvalga». Из первой образовалась Литовская социал-демократическая партия, учредительный съезд которой состоялся в Вильне в мае 1896 г. Её программа предусматривала создание самостоятельного демократического государства, состоящего из

⁸⁷ Там же, д. 14, ч. 4, л. 72.

⁸⁸ Там же, д. 11, ч. 5, л. 1.

⁸⁹ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 78 (1882 г.), д. 368, л. 1; О переправке литовских изданий из-за границы см.: там же, оп. 91 (1893 г.), д. 504, л. 1–6.

⁹⁰ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 5, л. 40 об.

⁹¹ Там же, д. 14, ч. 4, л. 181.

⁹² *Залевский К.* Национальные партии в России // *Общественное движение в России в начале XX века.* Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С. 284.

⁹³ О «Варпасе», издающемся в Тильзите на литовском языке, см.: ГА РФ, ф. 102, оп. 255 (1899 г.), д. 31, л. 123.

Литвы, Польши, Украины и других, образованных на федеративных началах. Одновременно с этой партией возник и «Рабочий союз Литвы»⁹⁴.

В июне 1902 г. помощник начальника Виленского ГЖУ ротмистр Терентьев представил своему руководству специальную записку о литовском движении. По его данным в Вильно существовала «Литовская партия» (называвшаяся также Литовской национальной партией), обязанная своим возникновением и организацией врачу А. Домашевичу (Домашавичюсу), ксёндзу И. Амброжевичу и др. Первое время, с 1894 по 1898 г., когда партия находилась под влиянием и руководством А. Домашевича, она называлась Литовской социал-демократической и её программа была соответствующей. Но с арестом Домашевича и других его соратников Литовская социал-демократическая партия во главе с И. Амброжевичем, братьями Вилейшисами, Ноневичем и Малиновским, выбросив из названия партии слова «Социал-демократическая», «стала преследовать главным образом национально-сепаратистские цели, интересуясь задачами революционных групп только отчасти»⁹⁵.

В этой партии усилилась антирусская и антипольская направленность, а её Литовский комитет поставил соответствующие задачи для укрепления национального чувства. Как отмечал один из членов этой партии Ф.В. Петрусевич, «литовское движение имеет направление национальное, противоправительственное, долженствующее создать отдельное государство Литву»⁹⁶. В 1890-х гг. полиция обратила внимание ещё на одну литовскую организацию, которая называлась в переводе с литовского «Плеяда» или «Созвездие Плеяды», а также Литовская народная партия. Созданная в 1894 г., она была обнаружена в г. Мариамполе Сувалакской губ., её членами состояли Ф. Витковский, Кочергис, Чеснос и др. В партию входило шесть кружков. Они сотрудничали в литовских газетах, издававшихся за границей, распространяли их в Литве. Известны также кружки литовских студентов в Петербурге и Москве, а также листовки, которые распространялись в 1890-х гг. среди литовского населения. В одной из таких листовок под названием «Братья-литовцы», выпущенной в мае 1897 г., выражается недовольство запрещением издавать литовскую литературу, категорически не принимаются русские буквы и содержится призыв не читать и не распространять литовские книги русской печати⁹⁷. На первый взгляд листовка содержала требования в области культуры, но в ней имелся также и заметный политический подтекст. Уже в 1895 г. начальник Ковенского ГЖУ, характеризующий литовское движение, подчёркивал, что оно «имеет весьма серьёзное антиправительственное направление, принимающее из года в год всё более широкие размеры»⁹⁸. 1899 г. была подготовлена обширная записка «Исторический очерк литовского революционного движения в России, составленный на основании сведений, имеющихся в делах Департамента полиции»⁹⁹.

В Латвии ещё в 1868 г. появилось Рижское латышское общество – первая национальная организация латышей, а с 1893 г. можно говорить о движении

---

⁹⁴ Постников Н. Литовская социал-демократическая партия // Политические партии России... С. 318; *он же*. Рабочий союз Литвы // Там же. С. 497; *он же*. Политические партии Прибалтики // История национальных политических партий в России. С. 181–183; Видмантас Э.Ю. Социал-демократическая печать и рабочее движение в Литве в 1895–1907 гг. Вильнюс, 1977.

⁹⁵ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 5, л. 4 об.

⁹⁶ Там же, л. 7.

⁹⁷ Там же, д. 14, ч. 4, л. 70–73 об., 53–154.

⁹⁸ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 93 (1895 г.), д. 1158, л. 1.

⁹⁹ Там же, л. 117–133.

под названием «Яуна страва» («Новое течение»), главным печатным органом которого стала газета «Диенас лапа», издававшаяся с 1886 г. под редакцией П. Стучки и Я. Райниса. Это движение вело борьбу с национализмом, но в 1897 г. большинство его участников были арестованы. В августе 1899 г. латышские социал-демократические кружки объединились в Рижскую социал-демократическую организацию. В 1900 г. возник Латышский социал-демократический союз¹⁰⁰. Как и многие другие народности, латыши имели свои зарубежные кружки и организации. В Еженедельных записках Департамента полиции за 1899 г. имеется следующее свидетельство: «В одной из предыдущих записок было доложено о систематическом распространении в Курляндской губернии революционных воззваний от имени Латышского социал-демократического общества в Бостоне. Подобные же прокламации вновь обнаружены в октябре месяце в Гробин-Газенпотском уезде той же губернии, где они оказались прибитыми к дверям некоторых промышленных заведений и частных домов»¹⁰¹.

В Латвии социал-демократы имели довольно сильные позиции, но, естественно, они не могли быть отрешены от задач национального и религиозного характера. В этом регионе, где сосуществовали лютеранство, католичество и православие, отнюдь не всё было спокойно и в области взаимоотношений между разными конфессиями. Например, в январе 1883 г. произошли столкновения католиков и лютеран в м. Заросле Иллукстского уезда Курляндской губ.: произошла драка между крестьянами лютеранского и римско-католического вероисповеданий, причём лютеранин Бергман застрелил из револьвера католика Матеша. Порядок восстановили лишь жандармы¹⁰².

Были заметны противоречия между латышами и немцами и по вопросу назначения пасторов¹⁰³.

Религиозные мотивы можно проследить и по источникам, отражающим положение в Эстонии. Кстати, в официальных материалах «пробуждение национального самосознания среди латышей и эстов» приписывалось последствиям реформ 1880-х гг. в Прибалтийском регионе¹⁰⁴. В 1882 г. возникло движение в пользу перехода эстонцев в православие в надежде получить большие земельные наделы¹⁰⁵. В 1883 г. оно продолжалось¹⁰⁶. В этой связи тогда же распространялись листовки на эстонском языке¹⁰⁷.

Ещё в 1869 г. в Дерпте был проведён первый всеэстонский певческий праздник, ставший регулярным и оказавший большое влияние на формирование эстонского национального самосознания. Власти усмотрели политическую подоплёку в деятельности Нарвского общества трезвости. Вызвало подозрение у них и Общество грамотных эстонцев¹⁰⁸. В то же время можно говорить о зарождении эстонского национального движения, которое первоначально было

---

¹⁰⁰ Залевский К. Указ. соч. С. 271; Постников Н. Латышская социал-демократическая рабочая партия // Политические партии России... С. 303; *он же*. Латышский социал-демократический союз // Там же. С. 305.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 255 (1899 г.), д. 31, л. 33.

¹⁰² Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 255 (1883 г.), д. 4, л. 20 об.–21.

¹⁰³ Там же, оп. 96 (1898 г.), д. 1880, л. 9–9 об., 3–19.

¹⁰⁴ Там же, л. 13.

¹⁰⁵ Там же, л. 180–181, 187–189 об.

¹⁰⁶ Там же, оп. 79 (1883 г.), д. 173, ч. 5, л. 3–3 об., 29; ф. 103, оп. 255, (1883 г.), д. 4, л. 171 об.–174; ф. 102, оп. 255 (1884 г.), д. 7, л. 102.

¹⁰⁷ Там же, ф. 102, оп. 255 (1883 г.), д. 5, л. 244–245.

¹⁰⁸ Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 90 (1892 г.), д. 770, л. 22 об., 114.

направлено против привилегированного положения немецкого дворянства. В 1872–1892 гг. функционировало эстонское общество литераторов, основателем которого стал К.Р. Якобсон, ещё в 1860-х гг. известный своей общественно-политической и литературной деятельностью. В эстонском национальном движении выделяют два направления: буржуазно-демократическое (К.Р. Якобсон, М. Веске, И. Келер) и буржуазно-клерикальное (Я. Хурт, И.В. Яннсен). В 1890-х гг. действовали «Эстонская свободомыслящая прогрессивная партия» и «Демократическая партия». С 1896 г. начала выходить газета «Почтальон», издаваемая в будущем видным эстонским общественным и политическим деятелем Я.Я. Тыниссоном, в начале XX в. лидером Эстонской народной партии прогресса. В 1890-х гг. в Эстонии началось распространение марксизма, возникли первые марксистские кружки¹⁰⁹. Требования деятелей эстонского национального движения во многом походили на соответствующие программы других прибалтийских общественных движений. Прежде всего они включали лозунги простора для развития эстонского языка и эстонской литературы, но в них можно проследить и политические устремления, вплоть до отделения Эстонии от России. Во всяком случае уже в 1892 г. в Департаменте полиции было заведено специальное дело, где отмечалось среди эстонцев и противоположительственное движение¹¹⁰.

В Департаменте полиции имеется множество материалов о еврейском движении 1890-х гг. В упоминавшемся большом деле под названием «Национальные движения, имеющие характер политический», несколько частей или томов посвящены сионистам. 1890-е гг. стали временем зарождения сионистского движения, сразу же принявшего международный характер. В мае 1900 г. в Департаменте полиции была составлена специальная записка о сионистском движении среди еврейского населения России, где оно связывалось с пробудившимся в начале 1880-х гг. в среде различных наций антисемитским течением, выразившимся также и в еврейских погромах. Это повлекло за собой стремление к объединению еврейского народа и возрождение идеи создания собственного государства в Израиле. Ранее видный американский банкир барон Гирш приобрёл земли в США для переселения евреев, но это предприятие вызвало только разочарование. Поэтому было решено отправить евреев на историческую родину – в Палестину, где стали организовываться еврейские земледельческие колонии.

В разных регионах России создавались «палестинские» кружки с центральными комитетами в Москве и Одессе. Ввиду противоречий между партией «американцев» и «палестинцев» московский комитет вскоре прекратил свою деятельность. Одесский комитет продолжил сбор средств для переселенцев. Кроме того, в Одессе было организовано особое общество «Езра» с целью развития национального движения и стимулирования переселения евреев в Палестину. Подобные кружки функционировали в Вильно, Минске, Россиенах Ковенской губ. и других местах. Распространению идеи переселения в Палестину способствовала деятельность Т. Герцля – редактора одной из венских газет, издавшего в 1895 г. брошюру «Еврейское государство». Далее последовали созывы сионистских конгрессов, первый из которых состоялся в августе 1897 г. в Базеле. В них активно участвовали российские евреи.

---

¹⁰⁹ Залевский К. Указ. соч. С. 281–283; Кривеньский В. Тыниссон Я.Я. // Политические партии России... С. 629; Постников Н. Эстонская народная партия прогресса // Там же. С. 715; Граф М.Э. Политические партии в Эстонии. Тарту, 1975.

¹¹⁰ ГА РФ, ф. 102, 3 дел., оп. 90 (1892 г.), д. 770.

Вскоре после Базельского конгресса Я.М. Бернштейн-Коган, в будущем видный еврейский общественный деятель, организовал сионистское общество с десятью кружками в Кишинёве, число членов которого в первые же месяцы существования достигло 800 человек. Бернштейн-Коган стал играть роль посредника между сионистскими кружками в России и венским центром. Подобные кружки, где велась работа по самообразованию, изучению древнееврейского языка, еврейской истории и культивированию еврейского национализма, создавались в Москве, Петербурге, Киеве, Гомеле, Сувалках, Одессе, Минске и других городах и местечках. В ноябре 1898 г. в Одессе существовало более 40 сионистских кружков. Главными пунктами распространения подобных организаций считались Киев, Кишинёв, Одесса и Харьков.

Проводились денежные сборы, так называемые шекельные пожертвования. В Смоленске в кружок сионистов входили 150 шекеледателей. В Орле действовал кружок из 125 человек, во главе которого стоял Я.А. Слоним. Число шекеледателей постоянно возрастало: во время второго сионистского конгресса их было 80 тыс., а во время третьего – 104 тыс. человек. Большинство из них происходили из русских евреев. Как подчёркивал директор Департамента полиции С.Э. Зволянский, на запросы некоторых местных властей и жандармских управлений о линии поведения по отношению к пропаганде сионизма «Департамент рекомендовал ограничиться пока наблюдением, впредь до получения дальнейших указаний, в зависимости от предстоящего рассмотрения общего вопроса о сионизме»¹¹¹.

Таким образом, поначалу российское правительство заняло выжидательную позицию по отношению к сионистским инициативам. Более того, начальник Одесского жандармского управления в декабре 1897 г. даже писал, что сионистское движение, будучи исключительно национально-еврейским, «в политическом отношении серьёзной опасности не представляет»¹¹². Но еврейский вопрос обострялся. Он касался проблем акциза, затронул евреев-земледельцев¹¹³ и др. С одной стороны, заметный рост еврейского населения в России, превысившего по переписи 1897 г. 5 млн человек, и особая ситуация, в которой находились евреи в стране, где существовала черта их оседлости, вели к заметному их оскудению, увеличению процента еврейской бедноты. В 1891 г. был издан особый закон о выселении из Москвы и Московской губ. евреев-ремесленников. Введение винной монополии лишило средств к существованию 30 тыс. еврейских семейств¹¹⁴. Только в Одессе, где жило значительное число евреев (по переписи 1897 г. – 124 тыс.), пауперы составляли третью часть¹¹⁵. С другой стороны, выделялась богатая прослойка торговцев, арендаторов, финансистов, противоречия которых с другими нациями существенно обострялись.

В скором времени количество сионистских кружков достигло 786¹¹⁶, а в мае 1900 г. – 2 тыс.¹¹⁷ Причём Устав одесского комитета был утверждён правительством¹¹⁸. На четвёртый конгресс сионистов, который состоялся в Лондоне, из 500 делегатов 250 приехали из России. Прошли внутривосточные съезды

¹¹¹ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 2, л. 20–56.

¹¹² Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 94 (1896 г.), д. 1185, л. 40.

¹¹³ Там же, оп. 96 (1898 г.), д. 1580, л. 1–3; оп. 97 (1899 г.), д. 570, л. 33–33 об., 57–58.

¹¹⁴ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 2, л. 9 об.

¹¹⁵ Там же, л. 10.

¹¹⁶ Там же, л. 18.

¹¹⁷ Там же, лит. А, л. 33 об.

¹¹⁸ Там же, л. 34.

сионистов – съезд сионистов Кавказа¹¹⁹, районный сионистский съезд в Каменец-Подольске¹²⁰. Однако доля евреев, выезжающих в Палестину, оставалась незначительной и отношение к сионизму стало меняться. В нём увидели инструмент консолидации евреев. В печати появились статьи против сионизма. Так, в газете «Свет» за 21 января 1903 г. проводилась мысль, что сионизм является опасностью для всех народов и с ним нужно бороться. 28 августа 1902 г. газета «Новое время» писала: «Сионисты сейчас стремятся к иному. Они хотят поддержать в евреях их национальность, которая будто бы исчезает». Поменяло своё отношение к сионизму и российское правительство. Циркуляром министра внутренних дел В.К. Плеве от июня 1903 г. сионизм был окончательно запрещён¹²¹. Однако к тому времени в целом еврейское национальное движение заметно оживилось, причём не все его участники склонялись к сионизму, часть из них являлись его противниками.

Ещё в начале 1890-х гг. началось формирование кружков еврейских марксистов, получивших вскоре название Бунд, учредительный съезд которого состоялся в сентябре 1897 г. в Вильно. В 1890-х гг. выделились также сторонники видного еврейского историка С.М. Дубнова, выступившего со своим манифестом под названием «Письма о старом и новом еврействе». Дубнов был против ортодоксального иудаизма и сионизма, хотя сотрудничал и с бундовцами, и сионистами. Несколько позднее он стал лидером Еврейской народной партии¹²². В 1890-х гг. известны и другие еврейские организации¹²³.

В неоднократно цитировавшемся мною деле о национальных движениях есть сведения и о мусульманском движении. Власти, естественно, не могли не обратить внимание на настроения среди мусульманского населения страны, которое насчитывало тогда примерно 14 млн человек. Одним из источников возбуждения дела стала деятельность крымского татарина И. Гаспринского, некогда учившегося в Одесской гимназии, побывавшего в Париже, где он познакомился с младотурками, а затем с 1883 г. издававшего в Симферополе газету «Тарджуман» («Переводчик») на татарском и русском языках. Но, самое главное, он стал автором новой грамматики татарского языка, где применил значительно более простой, чем прежний, метод обучения. Это вызвало противодействие традиционалистов, интересы которых были значительно задеты. Началась борьба двух методик. В противовес Гаспринскому в начале 1899 г. в Казани увидело свет сочинение муллы Г. Мухиддинова «Стальные пики против нового метода». И, как отмечается в специальной записке князя Шаховского «Новые течения в татарской печати», помеченной 22 ноября 1900 г., «полемика между представителями двух направлений в татарской школе сразу сильно обострилась и, вместе с тем, стала принимать национальный, общественный и культурный характер»¹²⁴.

Это движение не могло не обратить на себя внимания властей, тем более что в мае 1898 г. произошло Андиганское восстание в Средней Азии, связанное с усилением панисламистской пропаганды и подавленное вооружённой силой¹²⁵. В конце века в страну стали проникать не только панисламистские, но и пантюркистские идеи, явно насторожившие центральную власть. Отмечалось

¹¹⁹ Там же, л. 321.

¹²⁰ Там же, лит. Б, л. 18–20.

¹²¹ Там же, лит. Б, пр. 3, л. 4.

¹²² Познански Р. Дубнов С.М. // Политические партии России... С. 195.

¹²³ ГА РФ, ф. 102, 3 дел., оп. 90 (1892 г.), д. 446.

¹²⁴ Там же, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 3, л. 6.

¹²⁵ Гафуров Б. Об Андиганском «восстании» в 1898 г. // Вопросы истории. 1953. № 2.

более частое посещение мусульманскими священникам Стамбула, но на запрос МВД министр иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф, ссылаясь на посла России в Турции И.А. Зиновьева, не подтвердил связь младотурецкого движения с внутривосточным движением мусульман¹²⁶. Самоорганизация мусульман России стала более заметной уже в самом начале XX в., когда 8 марта 1906 г. был составлен «Устав Всероссийского мусульманского союза» и начали собираться мусульманские съезды¹²⁷.

Обращаясь к регионам, где было заметное национальное движение, нашедшее отражение в делах Департамента полиции в виде специально заведённых по этому поводу архивных дел¹²⁸, не следует терять из виду и те окраины Российской империи, по которым таких отдельных дел не заводилось. Это, конечно, свидетельствовало об отсутствии там в самом конце XIX в. сколь-нибудь значительных национальных движений, но отнюдь не означало, что там не было никаких национальных проблем. Для примера рассмотрим такую окраинную губернию, как Бессарабия. А. Болдур подчёркивал: «Не известно никакого молдавского политического национального объединения, подобного тому, что было на Украине. Действительно, молдавское общество в Бессарабии не находилось в движении». При этом он назвал несколько имён представителей боярства, которые в связи с польским восстанием 1863 г. мечтали о восстановлении молдавской нации и о последующем её объединении с Молдовой. Он приводил и настроения другого рода, упомянув со ссылкой на П. Михайловича (Паул Михаил) брошюру некоего И. Чиореску «Голос румын Бессарабии», отпечатанную в Кишинёве в 1864 г., где говорится о благодеяниях русского режима и обвиняется румынское правительство в преследовании Церкви и тайной поддержке польских повстанцев¹²⁹. В межвоенный период на румынском языке вышло несколько работ, где сообщалось о национальных чаяниях молдаван Бессарабии, но не давалось информации о конкретном национальном движении в конце XIX в. в рамках этого региона¹³⁰.

В послевоенный период первым к истории национального движения в Бессарабии обратился И.Г. Будак¹³¹. Он довольно подробно рассказал о народнических кружках в губернии в 1870–1880-х гг., а одну из глав своей монографии назвал «Национальное движение в Бессарабии». Автор отмечает, что в 1883 г. группа молдавских дворян предложила произносить в дворянском и земском собрании речи и на молдавском языке, на что не получила разрешения властей. Далее он пишет, что при земских выборах в Бессарабии ещё в 1876 г. выделились две «партии». Одну из них, «партию» молодых молдаван-прогрессистов, возглавил председатель губернской земской управы П.В. Дическу, а другую – товарищ председателя Кишинёвского окружного суда по гражданскому отделению Ф.Ф. Крупенский. Вторая партия одержала победу, но обе они продолжили свою деятельность в среде бессарабского дворянства.

¹²⁶ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 226 (1898 г.), д. 11, ч. 3, л. 65–65 об.

¹²⁷ Там же, л. 175, 177–178 об.

¹²⁸ В связи с Критским восстанием 1890-х гг. в России отмечалась активизация российских греков, проживавших на юге страны (Там же, ф. 102, 3 дел., оп. 95 (1897 г.), д. 325, л. 10–36).

¹²⁹ *Boldur A. V. Contribuții la studiul Istoriei Românilor. Istoria Basarabiei. Vol. 3. Sub dominațiunea rusească (1812–1918)*. Chișinău, 1940. P. 183.

¹³⁰ *Boga L. T. Lupta pentru limba românească și ideea Unirii la Români din Basarabia după 1812. Chișinău, 1932; Ciobanu Ș. Cultura românească în Basarabia sub stăpânirea rusă. Chișinău, 1923; idem. Din istoria mișcării naționale în Basarabia. Chișinău, 1933.*

¹³¹ *Будак И.Г. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинёв, 1959.*

Привёл И.Г. Будак и выдержку из политического отчёта Бессарабского губернского жандармского управления за 1885 г., где отмечалось: «Что касается до местной интеллигенции, принадлежащей по рождению к молдавской национальности, то приходится отметить характерную черту, резко выдающую каждого молдаванина-интеллигента – лелеемые каждым из них мечты об отделении Бессарабии от России и присоединении оной к Румынскому королевству, внутренними порядками которого они зачастую вслух восторгаются. К этому считаю долгом добавить, что описанные мечты до настоящего времени пока ещё не выражались ни в открытой в этом смысле пропаганде, ни в другом каком-либо революционном движении»¹³². Будак упомянул также о кружке в Кишинёвской семинарии, явно национальной направленности, и о землячестве студентов-бессарабцев в Юрьевском (Дерптском) университете, интересовавшихся национальными проблемами и румынскими издательствами.

Работа Будака была самой крупной по данной проблематике из опубликованных в советское время. Правда, в вышедший через пять лет сборник о крестьянском и общественно-политическом движениях в Бессарабии он не поместил документы, имеющие отношение к национальному вопросу¹³³. Из исследований советского периода, имевших прямое отношение к молдавскому национальному движению, следует отметить солидную статью С.Г. Исакова о юрьевском землячестве бессарабцев¹³⁴. Среди современных изданий – книги Г. Негру и Ю. Фрунташу, опубликованные в Кишинёве¹³⁵. Г. Негру поместил в приложениях ряд документов, многие из которых были упомянуты, но не опубликованы И.Г. Будаком. Однако о конце XIX в. никакой новой информации в этих книгах нет.

В целом во второй половине XIX в. в Бессарабии наиболее заметные проявления национального вопроса можно усматривать в связи с делами Кассо – Котруца, А. Хашдеу и избранием нескольких бессарабцев в румынское культурное общество, будущую Румынскую академию. Все они получили отражение в материалах III отделения за 1860-е гг. Среди бессарабского дворянства отмечено два основных направления, одно из которых называлось молдавским блоком. Но кроме разговоров и дискуссий во время дворянских и земских выборов никаких действий оно не предпринимало. Время от времени возникал вопрос об использовании молдавского языка в образовании, богослужении и делопроизводстве. Другие проблемы национального характера прослеживаются значительно слабее.

Я заново изучил ежегодные отчёты бессарабских жандармских властей, причём не только по губерниям, но и по отдельным уездам. Приведу фрагмент отчёта помощника начальника Бессарабского ГЖУ за декабрь 1883 г. по Хотинскому и Сорокскому уездам: «Низший класс населения положительно предан правительству... в высшем же классе населения... и в особенности между молдаванами проявляются личности, которые, хотя открыто и не высказываются из боязни, но тем не менее... есть недовольные». В отчёте помощника начальника Бессарабского ГЖУ по Ясскому и Оргеевскому уездам за 1 января 1884 г. говорится: «Постоянные мои наблюдения за настроениями умов среди

¹³² Там же. С. 380.

¹³³ См.: Положение крестьян и общественно-политическое движение в Бессарабии (1861–1895 годы). Документы и материалы. Кишинёв, 1964.

¹³⁴ Исаков С.Г. Бессарабские студенты в Тарту и их участие в местном революционном движении // Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 340. Вопросы истории Эстонской ССР. Т. 8. Тарту, 1974. С. 117–156.

¹³⁵ Negru Gh. Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chișinău, 2000; Fruntașu I. O istorie etnopolitică a Basarabiei. 1812–2002. Chișinău, 2002.

крестьянского и вообще рабочего населения обоих уездов дали полное основание вынести твёрдое убеждение в полной их покорности и преданности государю императору и правительству Его Величества. Того же, к сожалению, нельзя сказать о местной интеллигенции, принадлежащей по национальности к местным молдаванам-помещикам. Добрая половина этих последних положительно ненавидит всё русское, в тайне ругают русские порядки перед нашими. Считаю, впрочем, долгом оговориться, что явных агитаций в этом отношении мною замечено не было»¹³⁶.

Через несколько лет в отчёте за январь 1888 г. по Хотинскому и Сорокскому уездам отмечалось, что ситуация там в целом спокойная, но при этом подчёркивалось, что «интеллигентный класс означенных уездов обращает на себя внимание и мало заслуживает доверия правительства, ибо класс этот, состоя преимущественно из молдаван, греков, армян и поляков, более сочувственно относится к соседним государствам: Австрии, Румынии и Молдавии (sic! – В.Г.), нежели [к] России; сочувствие это выражается даже в мелочах; незначительное число землевладельцев, по происхождению русских, настолько слилось с природным местным населением, что не может отделить от него своих интересов и также сочувственно относится к России»¹³⁷.

В общегубернском годовом отчёте, составленном в марте 1889 г., говорилось, что сельское население «в политическом отношении находится в состоянии полной апатии», при этом отмечалась политическая неблагонадёжность предводителя дворянства Бельцкого уезда Н.С. Кассо, владельца 18 тыс. десятин земли¹³⁸, который «систематически выживает в подведомственных ему учреждениях русский элемент, заменяя русских чиновников молдаванами». Кассо признавался вредной личностью ещё в 1863 г.¹³⁹ О подобной его деятельности писалось и в следующих жандармских отчётах, составленных в марте 1890 г.¹⁴⁰ и в 1894 г.¹⁴¹ Кстати, в этом последнем отчёте подчёркивалось: «Никакой национальной вражды между народностями, населяющими Бессарабию, вообще не заметно»¹⁴². На Н. Кассо и его брата Аристида, отца будущего российского министра Л.А. Кассо, обращалось внимание и в дальнейшем¹⁴³. Таким образом, в источниках отмечались моменты настроенческого характера¹⁴⁴, а также отдельные личности с националистическими тенденциями, но ни о каком национальном молдавском движении в конце века речи не шло.

В целом 1890-е гг. вошли в историю России как время заметного подъёма национальных движений в разных регионах страны. Тогда были выработаны их программы, выдвинулись лидеры, началось сотрудничество между различными движениями подобного рода, хотя и в зачаточной форме. Это, конечно, вызвало обеспокоенность центральных властей, которые не смогли выработать необходимого противоядия, полагаясь традиционно на методы силового противодействия. 1890-е гг. можно рассматривать как первый этап национально-освободительного движения в России. Второй этап последовал после революции 1905 г., третий – в 1917 г.

¹³⁶ ГА РФ, ф. 102, 3 дел., оп. 80 (1884 г.), д. 88, ч. 21, л. 13–13 об., 20–20 об.

¹³⁷ Там же, оп. 84 (1884 г.), д. 89, ч. 50, л. 17–17 об.

¹³⁸ Национальный архив Республики Молдова (далее – ANRM), ф. 297, оп. 1, д. 15.

¹³⁹ ГА РФ, ф. 102, 3 дел., оп. 87 (1889 г.), д. 43, ч. 26, л. 3, 8–9.

¹⁴⁰ Там же, оп. 88 (1890 г.), д. 47, ч. 19, л. 4 об.–5.

¹⁴¹ Там же, оп. 92 (1894 г.), д. 152, ч. 46, л. 6.

¹⁴² Там же, л. 2.

¹⁴³ *Negru Gh.* Op. cit. P. 144.

¹⁴⁴ О настроениях в Бессарабии в 1882–1884 гг. см.: ANRM, ф. 297, оп. 1, д. 15, л. 1–156.